

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Основная образовательная программа «Свободные искусства и науки»

Глухова Мария Владимировна

РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Б.ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В США

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
035300 «Искусства и гуманитарные науки»

Профиль подготовки «Литература»

Научный руководитель:

Тимофеев Валерий Германович,
кандидат филологических наук, доцент СПбГУ

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Факторы, оказавшие влияние на рецепцию романа	6
1.1. Критика «Доктора Живаго» в СССР и принцип оппозиции	6
1.2. История публикации романа и ЦРУ	9
1.3. Нобелевская премия	11
1.4. Внутреннее состояние страны и последствия маккартизма	12
1.5. Перевод	13
Глава 2. Восприятие романа	18
2.1 Категории читателей.....	18
2.2 «Читатели книг» и основные мотивы рецензий	20
2.2.1 Фигура Пастернака	21
2.2.2 Выход романа в свет.....	23
2.2.3 Антикоммунизм или не антикоммунизм	23
2.2.4 Свобода	25
2.2.5 Отказ от получения Нобелевской премии	26
2.3 «Любители литературы» и профессиональные рецензенты	27
2.3.1 Общие тенденция восприятия	27
2.3.2 «Доктор Живаго» «как роман» и литературная традиция.....	29
2.3.3 Критика	31
2.4 «Маргинальные читатели», или индивидуальный подход.....	32
2.5 «Неподготовленные читатели», или жизненный опыт вместо литературного.....	35
Глава 3. Экранизация «Доктора Живаго» (1965).....	40
Заключение	45
Список использованной литературы.....	47
Приложение	52

Введение

Впервые американский читатель получил доступ к англоязычному изданию «Доктора Живаго» 5 сентября 1958 года. Роман вышел в крупном издательстве Pantheon Books, которое было основано в 1942 году в Нью-Йорке и поныне остается одним из ведущих на рынке мировой литературы. Еще в январе 1957 года, за девять месяцев до публикации «Доктора Живаго», Pantheon пишет о романе следующее: *«Это монументальный роман самого великого из ныне живущих русских поэтов, который был запрещен в России и впервые публикуется в переводе»*. Следующее объявление появляется в мае 1958 года: *«Величайший поэт Советской России посмел написать правду о судьбе человека во время революции в романе, где идиллия и нежные чувства чередуются со сценами жестокости и ужаса, разрушающими любое человеческое счастье¹»*.

Как впоследствии сообщает пресса, роман имел такой грандиозный успех у публики, что уже через месяц после публикации было продано приблизительно 53 тысячи экземпляров, каждый стоимостью в 5 долларов, что составляло пять изданий с общим количеством копий в размере рекордных 65 тысяч². Решение выпустить шестое издание, с дополнительными шестью тысячами экземпляров, было принято сразу же после объявления Пастернака лауреатом Нобелевской премии в октябре 1958 года, когда спрос на роман стал еще выше, и изданного ранее уже не хватало. Помимо этого, в ноябре 1958 года «Доктор Живаго» стал книгой месяца по мнению The New York Times, что также поспособствовало выпуску следующих 50 тысяч экземпляров с целью дальнейшего распространения.

Если посмотреть на количество проданных экземпляров, а также на число положительных рецензий, выпущенных в различных печатных

¹ Howell W. The Novel and The Author: Boris Pasternak's Dr.Zhivago // Publishers Weekly. – Nov. 24, 1958. – Vol. 174. – N 21. – P. 38.

² Webster B. Author Blocked on U.S. Royalty; Pasternak May Never Obtain a Penny // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 7.

изданиях, не остается сомнений, что роман был принят американской публикой и оказался очень актуальным для различных категорий читателей. И даже в настоящее время «Доктор Живаго» фигурирует в списках книг, рекомендуемых к прочтению ведущими университетами Соединенных Штатов, а также является обязательным для изучения американскими студентами, которые обучаются на программах, посвященных русским исследованиям. Очевидно, что внимание американцев к «Доктору Живаго» не угасает по сей день, и это дает нам право говорить об *актуальности* не только самого романа, но и исследуемой нами проблемы рецепции.

Цель настоящей работы – выявить ключевые моменты восприятия романа «Доктор Живаго» разными категориями американских читателей.

Для достижения этой цели мы ставим перед собой следующие *задачи*:

- Выявить факторы, которые непосредственным образом влияли на восприятие романа американскими читателями, а также способствовали его популярности;
- Провести классификацию читателей;
- Исследовать рецепцию романа внутри каждой категории читателей;
- Продемонстрировать, что американская экранизация «Доктора Живаго» - это, одновременно, и фактор, повлиявший на рецепцию романа, и результат рецепции.

Таким образом, поставленные задачи последовательно формируют три главы, представляющие собой основную *структуру* настоящей работы.

Особенности восприятия романа в Соединенных Штатах исследовались нами при помощи анализа многочисленных обзоров и рецензий, которые публиковались в различных печатных изданиях (газеты, журналы, академические сборники) в период с 1957 года по начало 1960-х, когда вышла в свет экранизация романа. Помимо этого, для приобретения теоретической базы представлялось необходимым обратиться и

монографиям, посвященным жизни и творчеству Бориса Пастернака, таких авторов, как Л.С.Флейшман, Г.Гиффорд, Д.Л. Быков и других.

Говоря о *степени научной проработанности вопроса*, следует отметить, что попыток обратиться к рецепции романа «Доктор Живаго» в Соединенных Штатах с точки зрения научного исследования предпринято не было. Существует большое количество общих высказываний, относительно того, что роман имел грандиозный успех у американской публики, но не было подробного анализа специфики рецепции. Поэтому при использовании схемы, предложенной В.Г. Тимофеевым, в работе выделяются основные категории американских читателей, что дает нам возможность исследовать особенности восприятия романа на разных уровнях. А обращение к *методам рецептивной эстетики* (Р.Яусс, В.Изер, С.Фишер) позволяет выяснить, как формировалось восприятие «Доктора Живаго», и в чем были его особенности для каждой выделенной категории.

Глава 1. Факторы, оказавшие влияние на рецепцию романа

1.1. Критика «Доктора Живаго» в СССР и принцип оппозиции

Обращаясь к тому, что писала американская пресса о «Докторе Живаго» в первые месяцы после выхода, как роман был издан в Соединенных Штатах, можно обнаружить, как сильно восприятие романа читателями было связано с запретом на его публикацию в Советском Союзе. Важно, конечно, отметить, что в конце 50—х годов, когда «Доктор Живаго» выходит на Западе, СССР и США находились в состоянии Холодной войны, и поэтому сам факт того, что одна противоборствующая страна не хочет допускать произведение к печати, уже вызывал особый интерес со стороны другой. Но важным также является тот факт, что значительная часть заметок о романе в американской прессе строились по принципу противопоставления: то, что критиковалось советскими критиками, ими активно хвалилось. Причем, была ли эта похвала чем-то объективным, или же просто другим, положительным полюсом знаменитого «Пастернака не читал, но осуждаю!» - это не так очевидно.

Сначала представляется важным довольно кратко обозначить ключевые моменты реакции на роман в Советском Союзе. Одним из первых и главных отзывов на «Доктора Живаго» было письмо от членов редколлегии журнала «Новый Мир», которым Пастернак отправил рукопись романа несколькими месяцами раньше в надежде на публикацию. Впоследствии этот ответ неоднократно цитировался американских СМИ, где корреспонденты выбирали самые образные выражения из письма и ставили их в пример того, как в Советском Союзе принято обращаться с людьми «*свободного духа и великого таланта*³». Разумеется, информация подавалась таким образом, чтобы американский читатель мог убедиться в том, что он по правильную сторону от железного занавеса, в отличие от тех, кто интересовался,

³ Laurels for Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 32.

возможно ли поменьше щадить чувства писателя, написавшего столь «гнусное» произведение⁴. Поэтому, несмотря на попытки некоторых американских литературных критиков представить роман как «чистое искусство», «Доктор Живаго» был использован как одним из видов оружия в Холодной войне, которое и СССР, и США применяли друг против друга с разной степенью успешности. (*«Чем лучше роман, тем более мощным оружием он становится»⁵*).

Члены редколлегии «Нового мира», это отказываются от осуждения эстетических методов работы Пастернака-писателя. Формально, они вообще не слишком обращают внимание на текст как таковой, на его структуру или задействованные литературные приемы. Только в самом конце мы видим комментарий, относящийся непосредственно к технике писателя, а именно – комплимент описаниям природы (*«Есть в романе немало первоклассно написанных страниц, прежде всего там, где Вами поразительно точно и поэтично увидена и запечатлена русская природа.»⁶*). Как мы увидим из дальнейшей части работы, в большинстве случаев американская пресса также практически не обращала внимание на эстетические особенности романа. Иными словами, по отношению к «Доктору Живаго» она поступала примерно таким же образом, как и советская критика, рассматривая роман с точки зрения политической полемики, но не с точки зрения художественной ценности.

«Дух Вашего романа - дух неприятия социалистической революции»⁷ - так звучит главная претензия к «Доктору Живаго». Редколлегия поясняет, что даже если из романа вырезать места откровенно антисоветского характера, (критика коллективизации или марксизма, к примеру), то сама

⁴ Смирнов С. Стенограмма общесоюзного собрания писателей. – 31 октября 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://antology.igrunov.ru/50-s/esse/1084533076.html> (дата обращения: 7.05.2017).

⁵ Powers R. Ideology and Doctor Zhivago // The Antioch Review. – 1959. – Vol. 19. – N 2. – P. 225.

⁶ Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. — 25 октября 1958. — № 128 (3939). [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST3.HTM> (дата обращения: 10.05.2017).

⁷ Там же.

суть произведения от этого не изменится, ведь дух неприятия революции не концентрируется в отдельных частях текста, а пронизывает его целиком. Это как раз и является ответом на частый вопрос со стороны американских читателей, которые интересовались, почему Пастернак просто не вырезал те части романа, которые не устраивали советскую критику, чтобы не возникало таких осложнений при публикации. Редколлегия «Нового Мира» однозначно утверждает, что роман неисправим и для того, что искоренить его антисоветский дух потребовалось бы переписать роман.

Еще одна серьезная идеологическая претензия со стороны советской стороны заключалась в том, что роман пронизан *«гипертрофированным до невероятных размеров индивидуализмом»*⁸. *«Ищущие истину одиночки»*, под которыми подразумеваются практически все действующие лица романа, включая Юрия Живаго, Николая Николаевича, Лару и т.д., *«постепенно все больше озлобляются против разворачивающейся революции, не в связи с неприятием тех или иных конкретных форм ее [...], а в связи с теми разнообразными личными неудобствами, на которые обрекает их лично процесс революции»*⁹. Иными словами, по мнению редколлегии журнала, говорить *«о еде, картошке, дровах и всякого рода житейских удобствах и неудобствах»* является занятием недостойным и эгоистичным, особенно *«в обстановке жестоких всенародных испытаний»* времен революции и Гражданской войны. Принципиально противоположную позицию здесь занимала американская пресса, и жизненная позиция Юрия Живаго в иностранных рецензиях характеризуется как стремление к свободе и *«законное право всякого индивидуально взятого человека»*¹⁰.

Американская пресса могла с легкостью использовать, все выявленные в СССР характеристики романа Пастернака, как причины для его

⁸ Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. — 25 октября 1958. — № 128 (3939). [Электронный ресурс]. — Режим Доступа:

<http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST3.HTM> (дата обращения: 10.05.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker. — Nov. 15, 1958. — P. 213.

восхваления, что естественно не могло не влиять на то, как роман прочитывался и воспринимался. Читатель видел, что роман, о котором в Соединенных Штатах пишут как о *«наиболее значительном литературном событии¹¹»*, и которое занимало лидирующую позицию в списках бестселлеров, в самых грубых выражениях критикуется на родине писателя. Это убеждало читателей, что в произведении есть что-то особенное, то, что тщательно скрывалось от советских читателей, и что можно будет, как бы, подглядеть, если открыть книгу.

1.2. История публикации романа и ЦРУ

Скандал на международном уровне явно обещал, что в книге будет что-то особенное, иначе, почему столько усилий со стороны Советского Союза было приложено, чтобы не допустить выхода книги. Долгое время велись споры о том, действительно ли *«капиталистический рай»* Бориса Пастернака превратил роман в оружие пропаганды, или же американская разведка не имела к этому никакого отношения.

Однако уже в 2014 году ЦРУ официально признало свою причастность к этому процессу, а в 2015 году рассекретило архивы. Около ста документов находятся в свободном доступе и подтверждают, что серьезное количество усилий было на самом деле приложено, чтобы распространить роман не только на Западе, но и в СССР.

Например, в меморандуме 12 декабря 1957 года говорится, что *«Доктор Живаго»* - это *«наиболее важное литературное произведение, написанное в странах советского блока¹²»*. Одновременно с этим приближается номинация романа на Нобелевскую, а публикации *«Доктора Живаго»* на языке оригинала, как обязательного условия, все еще нет. Поэтому ЦРУ решает создать общественное мнение такой силы, что под его давлением

¹¹ Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker. – Nov. 15, 1958. – P. 213.

¹² Memorandum on Pasternak's Dr. Zhivago // CIA Archive. – Nov. 12, 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005795615> (дата обращения: 08.05.2017).

Советский Союз сам должен был опубликовать роман по-русски, чтобы не возникло затруднений при номинации. С этой целью было решено напечатать как можно больше экземпляров на иностранных языках, доступных широкой публике, и регулярно транслировать по радио записи независимых обзоров романа¹³.

Позднее, незадолго до объявления Пастернака лауреатом Нобелевской Премии, ЦРУ все-таки издает роман на русском языке, и на момент меморандума 8 сентября 1958 года уже напечатано приблизительно 10 тысяч экземпляров «Доктора Живаго». Часть из них была передана сотрудникам ЦРУ в Берлине, Мюнхене, Лондоне и Париже, а часть раздавалась советским посетителям международных выставок и фестивалей¹⁴.

Тому, как роман издавался, и какую роль играл в качестве оружия в Холодной войне, посвящена книга американских исследователей Питера Финна и Петра Куве под названием «*Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу*». Также за несколько лет до этого выходит монография историка Холодной войны и эмигрантской книги Ивана Никитича Толстого под названием «*Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ*». В своей книге автор пишет о результатах двадцатилетнего расследования, которое он проводил с целью выяснить степень причастности ЦРУ к публикации и распространению «Доктора Живаго» в странах Запада и СССР. Самое важное, на чем авторы обеих книг соглашаются, это то, что ЦРУ и Пастернак не имели друг к другу никакого прямого, личного отношения. Автор «Доктора Живаго» был им интересен лишь постольку, поскольку с его помощью можно было устроить международный скандал и опорочить весь строй Советского Союза. И хотя в отличие от коммунистической партии, которая открыто называла Пастернака

¹³ Memorandum on Pasternak's Dr. Zhivago // CIA Archive. – Nov. 12, 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005795615> (дата обращения: 08.05.2017).

¹⁴ Memorandum for PP notes: Publication of Pasternak's Dr. Zhivago // CIA Archive. – Sep. 8, 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005795662> (дата обращения: 08.05.2017).

то «паршивой овцой¹⁵», то «свиньей, которая гадит там, где кушает¹⁶», ЦРУ ничего антисоветского в романе не увидело, они все же активно способствовали распространению «Доктора Живаго» на русском языке, что было необходимым условием для номинации его на Нобелевскую Премию.

1.3. Нобелевская премия

23 октября 1958 года Пастернаку присуждают Нобелевскую премию по литературе «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа». В этот же день американская пресса начинает активно оповещать читателей об этом решении комитета, и в газетах появляются такие заголовки, как: «Нобелевская премия для советского писателя», «Нобелевская премия уходит к Пастернаку», «Советский автор антисоветского романа получает Нобелевскую премию» и так далее. Большая часть из этих заметок была обзорной, хотя в некоторых авторы все рассуждали о том, как Советский Союз будет решать эту дилемму, и в очередной раз напоминали читателям обо всех подробностях выхода «Доктора Живаго» в свет. Но уже 29 октября, когда становится известно, что Пастернак отказывается от награды, американская пресса выпускает в несколько раз больше заметок по этому поводу. Подробнее о том, что для них было характерным, и как информация преподносилась читателю, мы поговорим во второй части работы, но сейчас важно обратить внимание еще на один момент.

Присуждение Нобелевской премии Борису Пастернаку, так и отказ от нее, несомненно послужили еще одним фактором, который привлекал еще больше внимания потенциальных читателей к роману. Во всяком случае, на спрос это повлияло самым положительным образом, потому как для неискушенного читателя подобного рода награда является и следствием, и

¹⁵ Семичастный В. [Аудиозапись] Доклад на пленуме ЦК КПСС. – 30 октября 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://teatr.audio/semichastnyi-iz-vystupleniya-o-pasternake> (дата обращения: 07.05.2017).

¹⁶ Там же.

доказательством того факта, что роман стоит того, чтобы его прочитали, и поэтому после 23 октября лидирующая позиция романа в списке бестселлеров только укрепилась. Издатели также понимали, как работает этот механизм, поэтому мы по сей день можем видеть роман «Доктор Живаго», на обложке которого крупными буквами написано, что за него автор получил Нобелевскую Премию (Ил. 2).

Многие авторы рецензий активно спорили о том, за что на самом деле Пастернак получил Нобелевскую премию: за роман, или же за тот эффект, который был вызван этим романом в обществе. Но, так или иначе, популярности романа это только способствовало.

1.4. Внутреннее состояние страны и последствия маккартизма

Говоря о факторах, повлиявших на восприятие романа в Соединенных Штатах, нельзя не сказать о тех настроениях, которые присутствовали в стране в период появления «Доктора Живаго». В своей книге «Век Маккартизма» историк Элен Шрекер пишет, что угроза, исходящая от коммунизма, в тот период была *«национальной одержимостью»*, и что *«с конца 1940-х годов и в 1950-х, практически каждая государственная организация была вовлечена в антикоммунистические крестовые походы¹⁷»*.

Также отношение к коммунизму американских читателей можно проследить, если открыть бестселлер Фредерика Шварца под названием *«Вы можете верить коммунистам (в том, что они коммунисты)»*. Книга имела очень широкое распространение, и её читателям предлагалось множество высказываний следующего содержания: *«Мир разделен на три главные зоны: существует зона коммунизма, настоящая тюрьма, содержащая миллиард рабов; есть то, что известно как Свободный Мир, включающий в себя Америку и её союзников; а между ними есть*

¹⁷ Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents. – 1994. [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.english.illinois.edu/maps/mccarthy/schrecker3.htm> (дата обращения: 10.05.2017)

*многонаселенная неприсоединившаяся зона, которая включает в себя миллиард человек*¹⁸». Общий тираж книги составил несколько сотен тысяч экземпляров, поэтому очевидно, что значительная часть американского населения также придерживалась антикоммунистических настроений и воспринимала книгу всерьез.

Однако чем на самом деле обернулись такие призывы бороться с коммунизмом на государственном уровне, можно увидеть из периода маккартизма: на протяжении десятилетий тысячи людей подверглись политическим репрессиям из-за подозрений в причастности к прокоммунистическим действиям, люди лишались работы и теряли всякие гражданские и политические права. И в атмосферу последствий такого исторического периода попал «Доктор Живаго». Роман, где главный герой – человек всеми уважаемой профессии, врач, у которого жена, ребенок и вообще, по американским представлениям, некая идиллия в жизни. И вдруг все кардинально меняется, и он оказывается лицом к лицу с историей, государством; чем-то большим, чем он сам. В конце 50-х годов такой сюжет не был для американского читателя чем-то незнакомым, но, наоборот, для многих оказался имеющим прямое отношение к повседневной действительности. Читатель мог без труда поставить себя на место главного героя, столкнувшегося с враждебной ему реальностью, потому как на момент выхода «Доктора Живаго» Соединенные Штаты все еще переживала последствия маккартизма, который причинил стране и ее гражданам намного больший ущерб, чем когда-либо причинила любая американская коммунистическая партия¹⁹.

1.5. Перевод

¹⁸ Schwarz F. You Can Trust the Communists (to be Communists). – 1960. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.writing.upenn.edu/~afilreis/50s/schwarz4.html> (дата обращения: 10.05.2017).

¹⁹ Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents. – 1994. [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.english.illinois.edu/maps/mccarthy/schrecker3.htm> (дата обращения: 10.05.2017)

За сравнительно небольшой промежуток времени больше полусотни тысяч американских читателей приобрело «Доктора Живаго» в издательстве «Pantheon Books». Перевод романа на английский язык был выполнен двумя британскими переводчиками и исследователями русской литературы, Маней Хэрари и Максом Хэйвардом, и оставался единственным доступным на протяжении нескольких лет после публикации. Поэтому все, кто посчитал нужным высказаться относительно романа Пастернака после его публикации, читали его именно в таком варианте. Причем, отзывы не только обыкновенных читателей, но и профессиональных литературных критиков того периода были написаны с отсылкой на этот конкретный перевод, что дает нам право рассматривать его как еще один фактор, который повлиял на восприятие романа американскими читателями разных категорий.

Не существует единого мнения относительно того, как следует переводить художественные литературные произведения с языка оригинала на другой, обладающий своими особенностями и структурой. Ведь, несомненно, существуют такие произведения, где языковые приемы, лексика и стиль повествования настолько специфичны, что их весьма затруднительно перевести на другой язык достойным образом, не лишив при этом текст цельности и аутентичности. Подобные споры не раз возникали вокруг «Доктора Живаго», и многие интересовались, стоит ли вообще читать его по-английски, или же из-за перевода утратились ключевые моменты, необходимые для понимания романа. Поэтому нам представляется важны разобраться с тем, как качество перевода «Доктора Живаго» на английский язык оценивали литературные критики оценивали, и помешали ли, по их мнению, очевидные недостатки проделанной работы восприятию романа англоязычными читателями.

Сразу обозначить, что перевод «Доктора Живаго» на английский язык сильно критиковался. В первую очередь, на слабые стороны проделанной работы обратили внимание представители эмигрантской критики, в лице, к

примеру, Владимира Маркова. В своей статье «Заметки о «Докторе Живаго» Пастернака» (*The Russian Review*) автор характеризует перевод Хэйварда и Хэрари как «бледный, лишенный движения и робкий²⁰». Здесь Марков пишет, что из-за непрофессионализма переводчиков американские читатели лишены возможности узнать о «ритмическом разнообразии, стилистической виртуозности и поразительной красоте изображения²¹», которыми наделен оригинал. Также Марков на примере разбора одного из предложений романа показывает, как из-за перевода оно теряет всякую выразительность и превращается в «учебное пособие по экономике²²».

Таким же образом поступает и Эдмунд Уилсон, ведущий американский литературовед того времени. В своем обзоре «Доктора Живаго» для журнала *The New Yorker* он сравнивает отрывки оригинального текста и перевода с целью показать существенную, по его мнению, разницу. Причем, если Марков критиковал перевод с эстетической точки зрения, то для Уилсона наибольший интерес представляет смысловая сторона вопроса. Например, разбирая ту фразу Юрия Живаго, где он говорит Ларе о невозможности еще раз встретиться в этой жизни, Уилсон показывает, как из-за неточного перевода одного предложения может с легкостью сложиться неверное представление о мировоззрении главного героя в целом²³.

Однако не все отнеслись к работе британских переводчиков с такой степенью строгости. Александр Гершенкрон, американский историк и экономист российского происхождения, в статье «Заметки о «Докторе Живаго»» пишет, что, несмотря на все неточности и слабости, о которых говорил Уилсон, перевод этот более чем удачный, и служит идеальным примером того, как сложные тексты могут быть переведены достойным образом²⁴. Но в то же время, по мнению автора, роман стоит читать по-

²⁰ Markov V. Notes on Pasternak's "Doctor Zhivago" // *The Russian Review*. – 1959. – Vol. 18. – №. 1. – P. 21.

²¹ Там же. С. 21.

²² Там же. С. 21.

²³ Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // *The New Yorker*. – Nov. 15, 1958. – P. 218.

²⁴ Gershenkron A. Notes on "Doctor Zhivago" // *Modern Philology*. – 1961. – Vol. 58. – №. 3. – P. 195.

русски, если представляется такая возможность, потому как Пастернак «пробуждает» в своем произведении старый русский язык. Причем, здесь автор имеет ввиду не столько церковно-славянский, сколько тот язык, который формировался русской интеллигенцией на протяжении поколений.

Также важно отметить, что во всех трех обзорах романа говорится о необходимости иметь четкое представление о культурной традиции, в которой было написано произведение, и Владимир Марков, к примеру, отмечает, что, несмотря на уже имеющийся опыт работы, переводчикам все же недостает знаний в этой области. Для понимания произведения на должном уровне необходимо иметь возможность разобраться с большим количеством отсылок и прямых цитат, содержащихся в тексте. В идеале они должны быть переведены и переданы соответствующим образом, но поскольку переводчики, по мнению Маркова, не до конца справились с расшифровкой интертекстуальных связей, то и англоязычные читатели при всем желании не смогут их уловить и проанализировать.

Здесь встает вопрос, действительно ли неточности перевода лишили американских читателей возможности увидеть взаимосвязь «Доктора Живаго» с другими произведениями литературной традиции. Насколько это справедливо, что без тех аллюзий, которые не удалось разгадать переводчикам, роман был прочитан и воспринят недостаточно глубоко и осмысленно? Как мы видим из рецензии Гершенкрона и еще увидим из других обзоров, этого перевода оказалось вполне достаточно, чтобы читатели смогли обнаружить интертекстуальные связи, присутствующие в романе, а также оценить его включенность в контекст литературной традиции. Поэтому говорить о том, что перевод совсем слабый, не слишком корректно. Хотя, как многие заметили, в переводе сложный и специфичный язык романа был действительно упрощен в значительной степени, благодаря чему простой читатель также смог взаимодействовать с ним без особых усилий, что привлекло к роману дополнительную читательскую аудиторию.

Здесь необходимо еще раз отметить, что обращение к советской критике, истории публикации и тому контексту, который окружал «Доктора Живаго», представляется необходимым в рамках исследования, потому как, когда 5 сентября 1958 года роман публикуется в английском переводе, он попадает не в некий вакуум, а в определенную почву. Контекст Холодной войны, Нобелевская премия, антикоммунистический настрой и чувство солидарности, как с Пастернаком, так и с его героем, - все это способствовало тому, что роман вызвал большой интерес у американских читателей, как профессиональных, так и неподготовленных.

Глава 2. Восприятие романа

2.1. Категории читателей

В этой главе мы обратимся к анализу обзоров и рецензий на роман «Доктор Живаго», которые активно печатались во многих газетах и журналах, начиная с того самого момента, как он вышел на английском языке. Или даже на несколько месяцев раньше, как это было в некоторых случаях.

Когда мы имеем дело со столь массовым распространением романа, стоит учитывать тот факт, что читатели были самыми разными, и что их горизонт ожиданий в отношении «Доктора Живаго» зависел не только от политической полемики вокруг произведения, но также и от индивидуального опыта чтения. В зависимости от того, как человек читал, и какие установки он получал от обращения к тем или иным рецензиям, складывалось его восприятие романа. Поэтому для того, чтобы не ограничиваться общим образом «американский читатель» и иметь возможность более подробно проанализировать рецепцию, необходимо распределить читателей и рецензентов в соответствии со следующими категориями²⁵:

1. Первая категория – любители литературы – это те читатели, которые перед непосредственным прочтением «Доктора Живаго» обращались к рецензиям профессионалов, то есть, литературоведов и литературных критиков. Профессиональные рецензенты, пишущие для этой категории, старались рассматривать «Доктора Живаго» с точки зрения его эстетической ценности, то есть, именно как текст, как роман, и далеко не всегда сходились в положительных оценках. Их отзывы и рецензии были помещены в такие авторитетные газеты и журналы, как *The New Yorker* (Эдмунд Уилсон), *Chicago Review* (Эдвард Васиолек), *New York Times*

²⁵ Тимофеев В. Г. Уроки Джона Фаулза. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – С. 65-66.

Book Review (Марк Слоним) и так далее. Читательская аудитория этих изданий не была слишком широкой, но она более осознанно подходила к прочтению и воспринимала роман уже не только как причину политической полемики, но как художественное произведение.

2. Читатели второй категории в нашем случае перекликаются с первой. С тем только дополнением, что они обращались еще и к рецензиям эмигрантской критики, часть из которых публиковалась либо в изданиях, непосредственно связанных с Россией (*The Russian Review*), либо в академических журналах (*Modern Philology*). Очевидным бонусом как читателей, так и рецензентов этой категории являлось знание русского языка и возможность читать роман в оригинале.
3. Третья категория – читатели книг – это довольно широкая аудитория, которая читала *The New York Times*, *Washington Post*, *Life*, *Colombia Daily*, *Time* и так далее. Наибольшее количество заметок и рецензий, посвященных «Доктору Живаго» и всему, что было связано с контекстом его существования, выходило именно в этих газетах и журналах. Причем, это могли быть как объемные статьи, занимающие всю первую страницу, так и небольшие комментарии. Читатель этой категории получал предварительную установку к прочтению романа с акцентом на то, что «Доктор Живаго» – это скорее политический феномен, нежели литературный.
4. Четвертая категория – неподготовленные читатели – те, кто покупали массовые издания «Доктора Живаго» и составляли абсолютное большинство читателей романа. У представителей этой группы не было необходимости обращаться к рецензиям, опубликованным профессиональными читателями, и при покупке романа он больше руководствовался короткими цитатами из обзоров, помещенных на обложку книги.
5. Пятая категория – маргинальные читатели – это те, кто слишком хорошо читал текст и не относил себя ни к какой категории. В нашем

случае главным представителем этой своей, отдельной категории, которая не стремилась вступать в диалог с другими, стал Владимир Набоков.

А теперь, когда мы кратко обозначили основные категории читателей «Доктора Живаго», а также выяснили, какие источники давали им предварительные установки к прочтению, представляется возможным обратиться к каждой из них по отдельности и проследить, что именно писали рецензенты о «Докторе Живаго», и в какой форме это преподносилось читателю.

2.2. «Читатели книг» и основные мотивы рецензий

Начнем с разбора рецензий и заметок, рассчитанных на читателей третьей категории. За несколько месяцев, с сентября 1958 года, пресса чуть ли не ежедневно публиковала текст, посвященный Пастернаку. Только в *The New York Times* за два с половиной месяца было опубликовано порядка тридцати заметок о «Докторе Живаго», причем, большая часть из них представляла собой развернутые статьи, а не беглое упоминание. Эти заметки неоднократно помещались на первую страницу, вместе с крупной фотографией и громким заголовком, таким как, например: *«Но человеческий дух свободы все еще существует: Новый роман, который бросает вызов тоталитарному режиму появился в России»*, или же *«Русский роман прославляет свободу»*. И даже несмотря на кажущееся разнообразие статей, можно легко проследить, как их авторы использовали примерно один и тот же подход к подаче романа «Доктор Живаго». А именно, они рассматривали роман не как художественное произведение само по себе, а как политическое и идеологическое событие. Также можно увидеть, что существовали основные мотивы, которые были общими для всех заметок в этой категории печатных изданий. Разумеется, не все из них были представлены одновременно, но несколько присутствовали точно.

2.2.1 Фигура Пастернака

В течении первого года после выхода романа американские СМИ уделяли особое внимание биографии Пастернака. Вокруг его личности создавался ореол славы, который не оставлял читателю выбора, кроме как проникнуться к автору «Доктора Живаго» глубокой симпатией, которая также распространялась и на главного героя романа. Помимо общей информации о семье писателя, его образовании, литературной деятельности и так далее, читатель мог найти даже описание внешности Пастернака. В некоторых заметках особо подчеркивалось, что в *«седовласом энергичном поэте»*, несмотря на возраст 68 лет, *«нет ничего пассивного и нет ничего старого»²⁶*. Но самое образное, как мне видится, описание Пастернака получилось в заметке The New York Times от 24 октября 1958 года: *«Это высокий, сильный мужчина с головой как у индейского воина и глазами орла»²⁷*. Звучит это, конечно, забавно, но если посмотреть на портрет Пастернака, который появился на обложке Time от 15 декабря 1958 года (Ил. 3), то можно понять, что автор «Доктора Живаго» действительно виделся многим американцам в образе мужественного и свободолюбивого коренного жителя их собственной страны. Привлекательность образа автора поддерживалась также и указанием на то, что, несмотря на грандиозный успех «Доктора Живаго» на Западе, Пастернак ведет очень тихий и скромный образ жизни, в то время как мог бы быть в самом центре общественной жизни. Так, корреспондент Life пишет, что перед самым интервью он застал писателя за прополкой грядок, и что Пастернак обычно *«работает два часа по утрам, потом наводит порядок в комнатах и саду, а потом работает еще два часа»²⁸*. В заметке для The New York Times также подчеркивается, что этот *«сильный не только в артистическом смысле, но и физическом»* человек *«сам занимается прополкой огорода*

²⁶ Frankel M. Soviet Calls Nobel Award To Pasternak a Hostile Act; Moscow Assails Pasternak Prize // The New York Times. – Oct. 25, 1958. – P. 19.

²⁷ Nonconformist Russian; Boris Leonidovich Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 6.

²⁸ A Brave, Defiant Russian Writer // Life. – Oct. 27, 1958. – P. 139.

ранним весенним утром или же обрабатывает секатором свои фруктовые деревья в октябрьский полдень²⁹», то есть, трудится не только умственно, но и физически, хотя мог бы этого не делать ввиду своей славы. Также очень часто можно встретить описание самих условий, в которых живет Пастернак: «Большую часть года человек, которого многие признают, как наиболее выдающегося писателя из его поколения, живет не в московской квартире, погруженный в калейдоскоп советской интеллектуальной жизни, или в бешеную орбиту международной коммерции и литературных трендов, а в небольшом деревянном доме. Спроектированный как летний коттедж, дом обставлен очень просто и лишен таких вещей, как телевизор, стиральная машина и пылесос³⁰». Знакомясь с такими описаниями быта и образ жизни писателя, читатели представляли очень скромного, добропорядочного и просто приятного человека, который живет, не пользуясь теми преимуществами, которые могла бы принести ему слава за рубежом, и продолжает трудиться.

Одновременно с этим американская пресса активно цитирует самые грубые высказывания в адрес Пастернака, которые были не редки со стороны советской критики. Очевидно, что читатель, который, во-первых, настроен антикоммунистически, и, во-вторых, настроен очень доброжелательно по отношению к Пастернаку, чувствует несправедливость таких обвинений. И потому он еще больше убеждается в том, что существует контраст: одни всячески поддерживают этого, по всем пунктам, хорошего человека, а другие подвергают его жестокой травле. Вывод читатель должен был сделать самостоятельно, хотя, как было отмечено в католическом журнале *Commonweal*, «личная драма Бориса Пастернака рисковала затмить собой драму его всемирно известной книги³¹».

²⁹ Nonconformist Russian; Boris Leonidovich Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 6.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Horchler R. Literature and Morality // Commonweal. – Feb. 27, 1959. – Vol. 69. – N 22. – P. 25

2.2.2 Выход романа в свет

История подготовки романа к выходу в свет, которая, впрочем, действительно была вполне детективной, занимала особое место в статьях о романе. Причем, пресса довольно откровенно обращалась к патриотическим чувствам своих читателей, когда заявляли, что *«американцы могут чувствовать гордость за то, что именно американское издательство, Университета Мичигана, сейчас находится в процессе публикации первого общедоступного русскоязычного издания – оригинального манускрипта знаменитой книги³²»*. То есть, продолжает автор заметки, *«на протяжении нескольких недель миллионы читателей Запада обсуждали «Доктора Живаго», в то время как книга не была доступна для соотечественников автора³³»*. И причиной служит тот факт, что *«арбитры, которые решают, что читать, а что не читать советским людям, решили, что книга политически вредна³⁴»*. Иными словами, в газетах снова подчеркивалось противопоставление на уровне *«они запретили, а мы разрешили»*, и читателю предлагалось еще раз убедиться, что он является гражданином страны, которая *«имеет отношение к здравому смыслу³⁵»*, потому как оценила роман по достоинству.

2.2.3 Антикоммунизм или не антикоммунизм

После того, как «Доктор Живаго» был запрещен в Советском Союзе из-за духа неприятия социалистической революции, американская пресса стала искать в романе антикоммунистические моменты, которые могли бы обосновать такую позицию. Здесь мнения периодически расходились: одни прямо говорили, что роман не антикоммунистический, вторые утверждали обратное, а третьи занимали некое промежуточное состояние между первыми и вторыми. Вначале стоит сказать о тех, кто на самом деле видел в

³² Laurels for Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 32.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ The Trouble With Dr. Zhivago // The New York Times. – Dec. 7, 1958. – P. 8.

«Докторе Живаго» «обвинительный акт коммунистической системе, которая развратила русскую жизнь³⁶». Подобного рода высказывания по отношению к идейному содержанию романа основывались либо на отдельных цитатах из романа, либо являлись ответом на критику «Доктора Живаго» в Советском Союзе. Иными словами, в прессе не было представлено подробного анализа романа, на основании которого можно было бы сделать вывод о том, что он антикоммунистический по своему общему настроению. Вместо этого читатель видел пересказ обвинений в антикоммунизме, выдвигаемых советскими критиками, а также следующие выдержки из романа: *«Марксизм и наука? [...]Марксизм слишком плохо владеет собой, чтобы быть наукою. Науки бывают уравновешеннее. Марксизм и объективность? Я не знаю течения, более обособившегося в себе и далекого от фактов, чем марксизм³⁷»*, или же еще одна фраза: *«Я думаю, коллективизация была ложной, неудавшейся мерою, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности³⁸»*. Эти две цитаты регулярно транслировались, и на их основе читателю предлагалось убедиться, что роман антикоммунистический.

Но были и те, кто прямо писал, что отдельные цитаты, содержащие критику марксизма, – это не показатель того, что роман антикоммунистический. В статье для *Washington Post* от 16 ноября 1958 Д.Виггинс замечает, что даже если бы Пастернак убрал некоторые страницы текста, как он и намеревался сделать, то роман, так или иначе, остался бы под запретом. Потому как не отдельные выдержки, а весь дух романа – это гимн свободе личности. Иными словами, роман вовсе не про

³⁶ Nonconformist Russian; Boris Leonidovich Pasternak // *The New York Times*. – Oct. 24, 1958. – P. 6.

³⁷ Пастернак Б. Л. *Доктор Живаго* : роман / Б. Пастернак. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 286.

³⁸ Пастернак Б. Л. *Указ. соч.* С. 557.

критику коммунизма, а про свободу. Однако с которой, как пишет автор, коммунизм несовместим по определению³⁹.

Некое пограничное положение в этом вопросе занял Time. В сентябре 1958 года выходит обзор, где автор пишет, что *«Доктор Живаго» - это слишком хороший роман, чтобы рассматривать его как полемику о Марксизме-Ленинизме, хотя он, несомненно, содержит в себе захватывающие антимарксистские замечания⁴⁰*. Но в этой же обзоре мы видим следующее: *«Из «Доктора Живаго» можно заключить [...], что коммунистический режим – это временное явление, скорбь, которую нужно терпеть с чувством надежды, пока караван времени, появившийся в стихотворении Живаго, не выйдет из тьмы для свершения правосудия⁴¹»*. Мы в очередной раз видим, что автору не удается даже попытка преодолеть чисто идеологический подход при анализе романа. Основные пропагандистские акценты остаются на месте.

2.2.4. Свобода

Во всем объеме рецензий трудно найти слово, которое бы применялось по отношению к роману, его автору, персонажам или контексту чаще, чем «Свобода». Пожалуй, ничто так не поддерживала пресса в «Докторе Живаго», как идею о том, свобода и коммунизм несовместимы. В этой категории основную идею романа видели в том, *«что человеческий разум, пусть даже если и не его действия, все же могут оставаться свободным даже в тоталитарном режиме⁴²»*. Здесь, как мы уже упоминали, возникала тенденция сравнивать судьбу и взгляды самого Пастернака и его персонажа, Юрия Живаго, которые оба представлялись как люди, отстаивавшие свою свободу во времена господства враждебной по отношению к ним идеологии.

³⁹ Wiggins J.R. "Dr. Zhivago" Simply Can't Be Scissored // The Washington Post. - Nov. 16, 1958. – P. E3.

⁴⁰ Innocence in Russia // Time. – Sep. 5, 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,863850,00.html> (дата обращения: 10.05.2017).

⁴¹ Там же.

⁴² A Nobel Effort // Columbia Daily Spectator. – Nov. 17, 1958. – P. 2.

И поэтому можно увидеть, что писали о них практически одними и теми же словами. Например, об авторе говорили так: *«Интеллектуалы в России, включая Бориса Пастернака, наслаждаются полнейшей интеллектуальной свободой и не желают зависеть от бюрократической машины⁴³»*. Юрий Живаго, в это же время, описывался, как *«любящий жизнь, но не желающий, чтобы его свободу каким-либо образом ограничивали⁴⁴»*.

2.2.5 Отказ от получения Нобелевской премии

В первой части работы уже говорилось о том, присуждение Борису Пастернаку Нобелевской премии было одним сильнейших факторов, который сделал роман еще более популярным. Здесь только стоит отметить, что внимание прессы привлекло даже не то, что Пастернак был номинирован на Нобелевскую премию, а тот факт, что *«злое правительство заставило его отказаться от награды⁴⁵»*. Особенно интересно, что читателям неоднократно напоминалось, как в 30-е годы Гитлер лично запретил нескольким лауреатам получать Нобелевскую премию. Откровенной аналогии не проводилось, но американский читатель без труда мог соотнести этот пример с другим, более для него актуальным, и сделать соответствующие выводы.

Таковы были основные мотивы, которые встречались и широко обсуждались в американской прессе. Как уже было отмечено, на этом уровне практически не было упоминаний об эстетической составляющей романа, его не обсуждали в качестве текста как такового. Роман был поводом еще раз подчеркнуть, что существуют два лагеря. И один из них *«не полюбил «Доктора Живаго» по тем же причинам, по которым американские читатели и другие, которые все еще ведут себя как человеческие существа,*

⁴³ The Trouble With Dr. Zhivago // The New York Times. – Dec. 7, 1958. – P. 8.

⁴⁴ Slonim M. But Man's Free Spirit Still Abides: Out of Russia Comes a New Novel That Defies the Totalitarian's Way // The New York Times. – Sep. 7, 1958. – P. 1.

⁴⁵ West Rallies To Defense Of Pasternak // The Daily Bulletin. – Oct. 30, 1958. – P. 1.

его полюбили⁴⁶». А упомянутые американские читатели, которые сочувствовали как личной судьбе Пастернака, так и его персонажам, получали определенную установку к прочтению романа и видели в нем и его авторе символ борьбы за свободу от тирании в лице Советского Союза.

2.3. «Любители литературы» и профессиональные рецензенты.

2.3.1 Общие тенденция восприятия

Обзор того, что профессиональные читатели писали о «Докторе Живаго», мне бы хотелось начать с цитаты одного из них: *«Поскольку шум базара, созданного политической журналистикой и бессмысленной сенсационностью угасает, можно, наконец, услышать многоязычный хор литературной критики. Это довольно грустно, но не удивительно, что голоса недоброжелателей звучат гораздо яснее и тверже, чем голоса обожателей; и они, кажется, выслушиваются одобрительно большинством разочарованных читателей⁴⁷»*. Сразу обозначим, что представители эмигрантской критики и рецензенты русского происхождения, чьи обзоры «Доктора Живаго» рассматривались этой работе, также представляли собой профессиональных читателей. Поэтому различия между первой и второй категориями, о которых говорилось выше, не представлялись настолько существенными, чтобы полностью отделять их друг от друга.

Отметим, в чем заключалось основное отличие этой категории от других, а точнее, что было характерным для рецензий профессиональных читателей, чего практически не наблюдалось в прессе, ориентированной на массового читателя. На этом уровне присутствует компонент анализа «Доктора Живаго» именно как художественного произведения, когда серьезные требования выдвигались к самой эстетической ценности романа. Благодаря богатому читательский опыт, которого не было у простых

⁴⁶ The Trouble With Dr. Zhivago // The New York Times. – Dec. 7, 1958. – P. 8.

⁴⁷ Gerschenkron A. Notes on "Doctor Zhivago" // Modern Philology. – 1961. – Vol. 58. – №. 3. – P. 194.

читателей, профессиональные литературные критики и профессора могли посмотреть на роман через призму «уже читанного» и оценить, как роман взаимодействует с литературной традицией, и как он, по сути своей, написан. Иными словами, читателям рецензий этой категории предлагалось посмотреть на роман как на роман, то есть, как на текст, со своими особенностями, положительными или отрицательными. Отсюда, как мы увидим, частое сравнение «Доктора Живаго» с другими классическими произведениями и выделение критиками существенных, на их взгляд, слабостей романа.

Однако стоит сразу заметить, что общая тенденция восприятия романа также была, скорее, позитивной. В рецензиях профессиональных читателей можно встретить массу положительных отзывов, большая часть из которых впоследствии цитировалась прессой с целью привлечь внимание читателя не столь подготовленного и убедить его в том, что книгу стоит приобрести и прочитать. Например, Марк Слоним в своей рецензии для *The New York Times Book Review* пишет, что *«роман Бориса Пастернака – один из самых значительных романов нашего времени, и является событием первого порядка⁴⁸»*. Эту фразу, вместе с цитатой известного литературного критика Эдмунда Уилсона (*The New Yorker*) о том, что *«Доктор Живаго» - «это одна из самых великих книг нашего времени⁴⁹»*, впоследствии транслировала пресса других категорий, поддерживая атмосферу заинтересованности читателя в романе. Но уже реже в прессе встречается замечание Орвиля Прескотта (*The Books of the Time*) о том, что *«если бы роман был написан русским эмигрантом, или американским, или английским автором, проводившим значительное исследование, «Доктор Живаго» навряд ли вызвал бы так много шума⁵⁰»*. То есть, как мы видим, автор рецензии прямо

⁴⁸ Slonim M. But Man's Free Spirit Still Abides: Out of Russia Comes a New Novel That Defies the Totalitarian's Way // *The New York Times*. – Sep. 7, 1958. – P. 1.

⁴⁹ Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // *The New Yorker*. – Nov. 15, 1958. – P. 213.

⁵⁰ Prescott O. Books of The Times // *The New York Times*. – Sep. 5, 1958. – P. 25.

говорит, что история вокруг романа, а не сам роман, являлась причиной такой популярности.

2.3.2 «Доктор Живаго» и литературная традиция

Марк Слоним, один из авторов для «профессиональных читателей», оценивая особенности романа, отмечает: *«Иносказательный и символический, фрагментарный и импрессионистичный, роман уходит от традиции хорошо структурированного «текущего нарратива». Он создает свою собственную высоко-субъективную форму, с особенным смешением драматических и лирических элементов, комбинацией вербальной простоты, эмоциональной сложности и философской глубины⁵¹»*. Эдмунд Уилсон, в свою очередь, обращает внимание читателей на то, что *«книга, в которой все кажется реалистичным, не имеет никакого отношения к «реализму». Несмотря на всю непосредственность деталей, на все костюмы и акценты, и жаргон и вещи, и условия жизни в России в двадцатом веке, - это, технически и по своему духу, все же сказка⁵²»*. Автор рецензии особенно подчеркивает, что роман нужно читать, обращая внимание на многочисленные аллюзии, а также на связь «Доктора Живаго» с текстами, причисленными к разряду высокой литературы.

Нельзя не упомянуть книгу американских исследователей, Фредерика Гриффитса и Стэнли Рабиновича «Третий Рим: классический эпос и русский роман», значительная часть которой имеет непосредственное отношение к роману Пастернака. В главе *««Доктор Живаго и традиции национального эпоса»* авторы анализируют, как роман на глубинном уровне взаимодействует с эпическим жанром и русской литературной традицией, после чего делается вывод, что *«Доктор Живаго» - это «очевидное*

⁵¹ Slonim M. But Man's Free Spirit Still Abides: Out of Russia Comes a New Novel That Defies the Totalitarian's Way // The New York Times. – Sep. 7, 1958. – P. 1.

⁵² Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker. – Nov. 15, 1958. – P. 224

*продолжение русского романа XIX*⁵³». И обращаться к нему нужно только вкупе с другими текстами классической литературы, что, как можно увидеть из рецензий, и делали другие профессиональные читатели.

Персонажи Пастернака напомнили исследователям литературы персонажей Достоевского, причем, не из одного какого-то конкретного романа, но из всего творчества целиком. К примеру, Эдвард Васиолек (Chicago Review) сравнивает отношения Лары и Комаровского с отношениями Дуни и Свидригайлова. А Владимир Марков (The Russian Review) проводит параллель Живаго-Стральников и Мышкин-Рогожин, имея ввиду не только их соперничество за любовь главной героини, но и внутреннее становление персонажей на протяжении всего повествования. В рецензии Марков также характеризует «Доктора Живаго» как *«роман с персонажами Достоевского на фоне Толстовского бэкграунда*⁵⁴», что, судя по отзывам других читателей, является достаточно четким определением, с которым многие полностью согласились бы. Также было отмечено определенное стилистическое сходство, которым, по мнению Джона Файзера обладают «Доктор Живаго» и произведения Достоевского. Автор пишет о множестве прерываний в логической последовательности событий, которые делают процесс чтения если не затруднительным, то уж точно требующим особого терпения со стороны читателей⁵⁵.

Читателям этой группы убедительно демонстрируют необходимость читать «Доктора Живаго» в контексте произведений русской традиции, а именно – работами Пушкина, Блока, Лермонтова и Гончарова. Например, говоря о Юрии Живаго, многие ставят его в один ряд с «лишними людьми»: *«Онегин и Печорин, Бельтов и Обломов, Рудин и Нежданов – всего лишь некоторые из литературных предков Юрия Живаго», потому как все они*

⁵³ Griffiths F.T. Doctor Zhivago and the Tradition of National Epic // Comparative Literature. – 1980. – Vol. 32. – N 1. – P. 63.

⁵⁴ Markov V. Notes on Pasternak's "Doctor Zhivago" // The Russian Review. – 1959. – Vol. 18. – N 1. – P. 18.

⁵⁵ Fizer J. Pasternak – Victim of Soviet Ideology // The Review of Politics. – 1959. – Vol. 21. – N 4. – P. 713.

потерпели поражение в качестве «людей практических действий»⁵⁶» (А.Гершенкрон)

2.3.3 Критика

Как мы уже обозначили, эта категория рецензентов выдвигала значительно больше требований к «Доктору Живаго» с точки зрения эстетической составляющей, чем все остальные. Поэтому, несмотря на общий положительный тон рецензий, мы можем встретить серьезную критику романа в плане его художественных особенностей. Особенно ярко это можно увидеть в обзоре под названием «*Мужество, но не мастерство*» (Chicago Review). Эдвард Васиолек пишет следующее: «*Невозможно не выразить глубокое сочувствие человеческому мужеству, чувству собственного достоинства и бесстрашию перед защитой права самостоятельно думать и принимать решения. И если бы существовала Нобелевская премия за мужество, то Пастернак больше, чем кто-либо другой из нашего поколения, заслужил бы ее. Но книга этого не заслуживает, это не великий роман. И если судить его как художественное произведение, а не как великое личное и социальное достижение, то это почти посредственная книга*⁵⁷». Такую характеристику «Доктора Живаго» автор мотивирует тем, что в романе «*слабые персонажи, сюжетная линия тонкая и иногда теряется в беспорядке почти случайных деталей, а количество совпадений выходит за пределы доверия*⁵⁸». О том, что из-за неопытности в качестве романиста Пастернак на протяжении всего повествования предпринимает «*храбрую попытку соединить слабо связанные между собой концы*⁵⁹» писал также Ирвинг Хоу (New Republic), но еще более суровую критику эстетической составляющей романа мы

⁵⁶ Gerschenkron A. Notes on "Doctor Zhivago" // Modern Philology. – 1961. – Vol. 58. – N 3. – P. 198.

⁵⁷ Wasiolek E. Courage but Not Excellence // Chicago Review. – 1959. – Vol. 13. - N 3. – P. 78.

⁵⁸ Там же. С. 81.

⁵⁹ Howe I. Boris Pasternak's 'Doctor Zhivago' Should Inspire Reverence // New Republic. – Sep. 8, 1958 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newrepublic.com/article/115305/boris-pasternaks-doctor-zhivago-reviewed> (дата обращения: 13.05.2017)

встречаем в обзоре под названием «*«Доктор Живаго» как роман*» (The Kenyon Review). Автор не только говорит о том, что *«это самый слабый и плохой роман»⁶⁰* Пастернака, но и спорит со своими коллегами относительно общей оценки произведения. И если Эдмунд Уилсон говорил о том, что роман нужно рассматривать как аллегорию или сказку из-за не очень четкой структуры, то Ричард Стерн пишет, что *«нарратив в романе настолько тонкий и лишенный материальности, что просто не способен поглотить читателя»⁶¹*. Иными словами, роман просто плохо сделан, а вовсе не является иносказательным. На этом автор рецензии не останавливается и на четырех страницах по пунктам расписывает, в чем заключаются основные недостатки романа как художественного произведения. Среди них есть *«необоснованные переходы в повествовании»*, *«смещение нарратива урезанными наблюдениями»*, *«неточность в причинно-следственных связях»* и *«нереалистичные совпадения»*, когда *«вся Россия начинает напоминать небольшой вестибюль пригородного отеля, потому что люди попросту не могут избавиться друг от друга, как бы далеко они не уезжали»⁶²*.

Как мы можем видеть, в этой категории рецензенты не были единодушны в своих оценках романа. И даже несмотря на их общий положительный характер, встречалась довольно жесткая критика эстетической составляющей произведения. Во многом это было следствием того, что, имея достаточный запас прочитанных ранее художественных произведений, профессиональные читатели могли проследить, как в нем выражена связь с литературной традицией, и как он, по большому счету, был сделан. И с этой точки зрения у читателей возникало довольно много претензий.

2.4. «Маргинальные читатели», или индивидуальный подход

⁶⁰ Stern R. Doctor Zhivago as a Novel // The Kenyon Review. – 1959. – Vol. 21. – N 1. – P. 160.

⁶¹ Там же. С. 156.

⁶² Там же. С. 159.

Следующая категория, к которой следует обратиться, - это «маргинальные читатели», в которых либо не видели представителей каких-то других категорий, либо, что более вероятно в нашем случае, они сами не стремились стать их частью. Таким читателем, несомненно, был Владимир Набоков. Как он сам отмечает, его неоднократно просили написать рецензию на роман Пастернака, в частности, для *The Reporter*. На это писатель не согласился, мотивируя отказ нежеланием влиять на восприятие «Доктора Живаго» литературными критиками, которые после прочтения «эксцентричного» отзыва могли бы занять ту же критическую позицию, что и сам Набоков. Но даже несмотря на формальное отсутствие рецензии американского писателя в каких-либо журналах и газетах, из интервью и отдельных комментариев не составляет труда понять, что Набоков не разделял всеобщей тенденции «возводить Пастернака в ранг иконической фигуры»⁶³. Причин для такой позиции существовало довольно много. Как мы уже отметили в первой части работы, Набоков один из немногих приписывал успех «Доктора Живаго» пропаганде, которая исходила не от Соединенных Штатов, противников Советского Союза в Холодной войне, а от самих большевиков. Поэтому, по его мнению, «всякий русский интеллигент» после прочтения «Доктора Живаго» «увидел бы, что роман про-большевистский»⁶⁴.

Стоит все же отметить, что Набоков неоднократно подчеркивал свое намерение как можно меньше затрагивать вопросы политики и руководствоваться другими критериями при оценивании романа. И с точки зрения анализа романа в качестве художественного произведения «Доктору Живаго» досталось еще больше. Как профессиональный и внимательный читатель, Набоков читал роман с карандашом в руках, благодаря чему мы знаем, что на полях экземпляра в большом количестве присутствуют такие

⁶³ Nabokov's interview. – 1972. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter22.txt> (дата обращения: 15.05.2017).

⁶⁴ Там же.

отдельные комментарии, как *«пошлость!»*, *«идиотизм!»*, *«скука!»*. Более подробно о качестве «Доктора Живаго» Набоков также высказался позднее, в своем интервью, где роман был охарактеризован как: *«жалкая вещь, неуклюжая, тривиальная, мелодраматическая; с банальными ситуациями, сладострастными юристами, неправдоподобными девушками и банальными совпадениями»⁶⁵*. Также Набоков отмечает, что даже поэзия Пастернака, помещенная в эпилоге «Доктора Живаго» и тот поэтический голос, который, по мнению некоторых читателей, случайным образом иногда расцветает в прозе, едва ли способны *«спасти произведение от провинциальной банальности, столь типичной для советской литературы»⁶⁶*.

Таким образом, даже тот факт, что Набоков с уважением относился к поэзии Пастернака, никак не распространился на произведение целиком, и роман был раскритикован на многих уровнях. *«Вульгарный стиль»* повествования в совокупности с *«приторным брендом христианства»* в качестве философской основы произведения – такой образ «Доктора Живаго» сложился у Набокова после внимательного прочтения.

Однако, несмотря на стремление Набокова быть объективным в оценке «Доктора Живаго», нельзя не отметить один фактор, который все же не мог не повлиять на отношение писателя к роману. На момент выхода «Доктора Живаго» в Соединенных Штатах «Лолита» Владимира Набокова находилась на верхних строчках списка литературных бестселлеров The New York Times. Когда 28 сентября 1958 «Доктор Живаго» в первый раз появился в списке и занял шестое место, «Лолита» уже занимала первое, где продержалась семь недель. Однако уже 16 ноября 1958 роман Пастернака поднимается на первое место, смещая «Лолиту» на второе. Как впоследствии пишет Б.Бойд, у Набокова не было серьезных причин завидовать Пастернаку, потому как его

⁶⁵ Nabokov's interview. – 1972. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter22.txt> (дата обращения: 15.05.2017).

⁶⁶ Там же.

прозу он даже не воспринимал как конкуренцию своей собственной⁶⁷. Но тот факт, что *«вульгарная мелодрамка»* все же оказалась способной соперничать с романом Набокова за верхнюю ступеньку списка бестселлеров, вероятно, не способствовал тому, чтобы *«Доктор Живаго»* был воспринят благожелательно. Кроме того, как пишет Б. Бойд, *«"Лолита" вызвала настоящую сенсацию, однако она никогда не была скандальной первой страницей в мировых новостях»⁶⁸*. А *«Доктор Живаго»* был, как мы уже могли убедиться, и неоднократно. На протяжении нескольких месяцев после публикации роман безостановочно обсуждался прессой, но, по мнению Набокова, сама художественная ценность *«Доктора Живаго»* не могла являться причиной столь пристального внимания по причине своего фактического отсутствия.

Еще раз отметим, что эта категория читателей, примером которой в нашем случае выступил Набоков, сознательно противопоставляла себя всем остальным, во-первых, отказываясь публиковать свою рецензию на роман Пастернака, и, во-вторых, не разделяя всеобщего интереса, который вызвал роман. И если читатели остальных категорий все же вели диалог друг с другом, то Набоков предпочел ограничиться отдельными пародийными аллюзиями в своих собственных произведениях, (например *«семейный доктор Мартваго»* в романе *«Ада»*) и не поднимать рейтинг романа своей реакцией, пусть даже и негативной.

2.5. «Неподготовленные читатели», или жизненный опыт вместо литературного

Четвертую и последнюю рассматриваемую нами категорию составляют неподготовленные читатели, у которых не было такого значительного литературного бэкграунда, как у представителей предыдущих категорий. При

⁶⁷ Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years. – New Jersey: Princeton University Press, 2016. – P. 371.

⁶⁸ Там же. С. 372.

прочтении романа, или даже его краткого содержания, читатели меньше всего обращали внимание на эстетические особенности текста и составляли свое мнение о романе безотносительно к литературному контексту, к которому он принадлежал. Профессиональные читатели рассматривали «Доктора Живаго» как продолжение традиции, русской или мировой, но простой читатель обращался к роману как к чему-то отдельному и мало соотносящемуся с другими произведениями, классическими или популярными в тот конкретный период времени. И в то время, как профессиональные читатели значительную часть своих разборов посвящали анализу литературных приемов и тому, как они применялись или не применялись в тексте, то неподготовленный читатель смотрел на роман через призму своего личного восприятия и жизненного опыта. При чтении романа акцент был не на связь произведения с другими текстами, а на связь его с актуальными проблемами этого конкретного человека. В первой главе мы обратили внимание на то состояние, в котором находились Соединенные Штаты после периода маккартизма. Поэтому люди, которые, так или иначе, ощутили на своей жизни его воздействие, легко могли поставить себя на место главного героя романа, который оказался один на один с жестоким временем и обстоятельствами, и всячески ему сочувствовали.

Глядя на то рекордное количество экземпляров «Доктора Живаго», которое было продано в течение двух месяцев после публикации и позже, нельзя не заметить, что именно неподготовленный читатель был основным покупателем романа, а вовсе не профессиональный. Отсюда следует, что большинство брало роман в руки вовсе не из-за каких-то «серьезных», профессиональных причин. Представляется более вероятным, что популярным среди этой категории роман стал благодаря своей актуальности, злободневности, когда каждый читатель видел там что-то про себя, про свою собственную жизнь. И наличие любовной линии, конечно же, было важным фактором, повышающим актуальность «Доктора Живаго». Не сложно

представить, как одна читательница, прочитав роман, могла в нескольких словах пересказать его содержание другой. «Про любовь», - так это, скорее всего, звучало в большинстве случаев, и никто не мог бы упрекнуть читательницу в перевираании смысла. В своих рецензиях и научных статьях серьезные литературоведы и критики сколько угодно могли рассуждать о том, что три разных женщины Юрия Живаго на самом деле символизируют три разных периода, в которых существовала Россия на протяжении повествования (Тоня - дореволюционная, Лара – страна в разгар Гражданской войны, Марина – после учреждения советской власти)⁶⁹. Или что Лара для Живаго – это та самая «Россия, нищая Россия» Блока, которая должна была отдать «чародею» (Комаровский и Стрельников) свою «разбойную красу»⁷⁰. Литературные критики могли выдвигать множество способов прочтения романа подобным образом, но для тех, кто не разобрался в русской поэзии и не имел обширного фонда ранее прочитанной высокой литературы, роман был просто-напросто о большой любви, отношениях героев друг с другом и государством, проблемах, знакомых каждому. Для тех десятков тысяч читателей и читательниц, которые покупали роман, важно было, что роман «о жизни», и что сам текст не отбирает возможность отождествиться с главным героем/героиней или же просто искренне сочувствовать развитию их отношений.

Особого внимания заслуживают механизмы, благодаря которым удавалось вызвать интерес к роману у тех, кто не читал длинных и подробных разборов произведения, помещенных в авторитетные газеты и журналы. Маркетинговый ход был довольно простым – поместить на обложку книги отдельные цитаты из этих рецензий, которые бы наиболее абстрактно характеризовали роман, но, при этом, выставляли бы его в наиболее привлекательном свете (Ил.1). И если обратиться к этим выдержкам, то становится очевидным, что большинство из них были из

⁶⁹ Gerschenkron A. Notes on "Doctor Zhivago" // Modern Philology. – 1961. – Vol. 58. – N 3. – P. 197.

⁷⁰ Там же. С. 197.

обзоров читателей первой категории, которые оценивали роман далеко не только по таким критериям, как наличие или отсутствие в нем любовной линии. Но все критические и конкретные замечания были оставлены в стороне, и неподготовленному читателю представлялось прочесть роман, который описывался как: *«Роман современной России, который сопоставим с «Войной и миром»»; «Одно из величайших событий в литературной и моральной истории человека»* (Эдмунд Уилсон); *«Одна из лучших любовных историй, когда-либо рассказанных»;* *«Великий роман, запрещенный в России, но признанный шедевром во всем свободном мире»;* *«Работа гения, и ее появление – это литературное и моральное событие, которому нет сравнения в современном мире»;* *«Одно из самых глубоких описаний любви во всей современной литературе»* (Стюарт Хэмпшир, Encounter); *«Первая гениальная работа, вышедшая в России со времен революции»*. Список можно продолжать довольно долго, однако не возникает сомнения, что людям, ответственным за оформление массовых изданий «Доктора Живаго», удалось привлечь внимание читателя и убедить его открыть книгу.

Таким образом можно смело предположить, что роман «Доктор Живаго» был воспринят американской публикой как произведение, принадлежащее одновременно к высокой литературе и к массовой. Если полагать, что массовая литература – это та, у которой *«баланс этического и эстетического пребывает в нарушенном состоянии, и этический компонент заметно гипертрофирован по отношению к эстетическому⁷¹»*. А высокая, в свою очередь, характеризуется уравновешенным балансом этического и эстетического. Как мы увидели из анализа рецензий, в зависимости от того, к какой из предложенных категорий относился читатель, и как он был склонен читать в принципе, он мог одно и то же произведение воспринимать как классическое, включенное в

⁷¹ Тимофеев В.Г. Использование моделей и формул массовой литературы авторами художественных произведения // Материалы Открытого научного семинара «Проблемы теории и истории литературы». – СПб.: Convention Press, 1998 – С. 17.

«эстетосферу» (первая и вторая категории, которые мы объединили), и как массовое, «включенное в систему актуального восприятия⁷²» (третья и четвертая). Внутри каждой категории существовали определенные разногласия, и мнение относительно романа не было однородным. Однако все же существовали тенденции оценивать роман, руководствуясь теми или иными критериями, в зависимости от читательского опыта и того, на что в романе обращалось внимание в первую очередь. И как мы можем заключить из анализа рецензий, а также посмотрев на количество проданных экземпляров, большинство в «Докторе Живаго» видело, в первую очередь, актуальные моменты, личные или общественные. Иными словами, роман был воспринят, скорее, как пример массовой литературы, а не высокой.

⁷² Тимофеев В.Г. Использование моделей и формул массовой литературы авторами художественных произведения // Материалы Открытого научного семинара «Проблемы теории и истории литературы». – СПб.: Convention Press, 1998 – С. 17.

Глава 3. Экранизация «Доктора Живаго» (1965)

В заключительной части работы представляется важным обратиться еще к одному моменту, имеющему непосредственное отношение к рецепции романа Пастернака в Соединенных Штатах. Речь пойдет об экранизации «Доктора Живаго», которая вышла в 1965 году в результате совместной работы режиссера Дэвида Лина и сценариста Роберта Болта. Уже меньше, чем через год после выхода в прокат фильм победил в пяти номинациях на церемонии вручения «Золотого Глобуса», а также стал обладателем пяти «Оскаров» и большого количества других престижных наград киноиндустрии. Стоит заметить, что при общем бюджете фильма в 15 миллионов долларов, в одних только Соединенных Штатах кассовые сборы составили не менее 111 миллионов, не говоря уже об остальных странах, взятых вместе. То есть, мы видим, что в США экранизация «Доктора Живаго» стала не менее популярной, чем сам роман Пастернака.

Говоря об экранизации, её значимости и особенностях, необходимо обратиться к проблеме с двух разных ракурсов. С одной стороны, мы можем говорить о фильме как еще об одном факторе, оказавшим влияние на восприятие «Доктора Живаго» в Соединенных Штатах. Но с другой стороны, мы также можем обратиться к нему как к своеобразному результату рецепции романа, потому как в нем ярко выражены основные мотивы и идеи, которые американская публика увидела в самом произведении.

Если рассматривать экранизацию с точки зрения первого подхода, то она становится еще одним фактором популяризации произведения. После 1965 года у той части американской публики, которая еще не успела прочитать роман, уже не возникало такой необходимости, потому как можно было просто посмотреть фильм. Также и те, кто читал роман не целиком, а в кратком содержании из популярных дайджестов, могли составить более полное представление об основных моментах произведения. Или же другая возможная ситуация, когда зритель во время просмотра фильма настолько

проникался увиденным, что, выйдя из кинозала, отправлялся в книжный магазин за своим собственным экземпляром романа. Открывая книгу, он уже имел готовый визуальный образ и представление о сюжетной линии, что значительно упрощало процесс чтения. Помимо этого, на обложке экземпляра уже, по всей вероятности, были изображены актеры, исполняющие роли Лары и Юрия Живаго. Это было понятным и естественным маркетинговым ходом, потому как скромный зимний пейзаж, который был помещен на обложку первого издания «Доктора Живаго» 1958 года, никак не мог соперничать по степени привлекательности со звездами кинематографа (Ил.1, 4, 5)

Второй подход, при котором мы рассматриваем экранизацию романа не только как фактор, повлиявший на рецепцию, но и как своеобразный результат этой рецепции, нуждается в более подробном анализе. В предыдущей главе мы обозначили, в чем заключались основные особенности восприятия романа разными категориями читателей. Мы также пришли к заключению, что большая их часть видела в романе актуальные, жизненные проблемы, характерные для произведений массовой литературы. А короткие комментарии, которые встречались на обложках книги, говорили о наличии в романе двух важных мотивов: красивой любовной линии и повествования о судьбе хорошего человека, который остается один на один с жестокой исторической реальностью. Читателю было знакомо и первое (в большинстве случаев точно), и второе, поэтому во многом благодаря наличию в романе этих двух компонентов, его активно читали.

При просмотре трехчасового фильма становится очевидным, что выделенные мотивы – это то, на чем основывается картина. Иными словами, причины, по которым книгу читало абсолютное большинство американцев, нашли свое выражение и в последующей экранизации. Поэтому мы уже можем говорить о том, что фильм «Доктор Живаго» действительно

представляет собой некий итог общей рецепции романа в Соединенных Штатах.

Во второй части исследования мы говорили о литературной традиции, в контексте которой читатели (в основном, профессиональные) рассматривали «Доктора Живаго». Однако мы практически ничего не сказали об одном важном для мировой литературы произведении, с которым роман Пастернака сравнивали чаще всего, а именно, о «Войне и мире» Л.Толстого. Здесь нам важно об этом упомянуть, потому как из многочисленных сопоставлений этих двух произведений отчетливо следует, что самое главное отмеченное американцами сходство – это, опять же, наличие проблемы столкновения личности и истории, которую мы уже выделили в качестве основного мотива. Как пишет Уолтер Арндт (South Atlantic Bulletin), в романе Пастернака, *«как и у Толстого, человек сталкивается с жестокой, обезличенной историей, но бросает ей вызов и находит самого себя вне исторических рамок»⁷³*. Подобного рода восприятие истории, когда она измеряется личностью отдельно взятого человека, вообще характерно для американского восприятия, как это отмечал Ж.Делёз⁷⁴. Поэтому то, что и в «Войне и мире», и в «Докторе Живаго» этот момент был выделен в качестве основного, представляется объяснимым.

Как и по отношению к книге, профессиональные, в этом случае, зрители (кинокритики) не были единодушны при оценивании экранизации. И, что самое интересное, основные претензии были направлены как раз на те две особенности, которые мы выделили в качестве самых значимых для массового читателя/зрителя. Четче всего это сформулировал Босли Кроутер (The New York Times Review): *«Неважно, насколько богата графика, созданная мистером Лином, а она, поверьте мне, великолепна – декорации, операторская работа в цвете полны вкуса и совершенно исключительны.*

⁷³ Arndt W. Dr. Zhivago: Freedom and Unconcern // South Atlantic Bulletin. – 1959. – Vol. 25. – N 1. – P. 5-6.

⁷⁴ Делёз Ж. Критика и клиника / Пер. с франц. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. Послесл. и примеч. С. Л. Фокина. – СПб.: Machina, 2002. – С. 80-86

Неважно, насколько мил и привлекателен идеалист доктор Живаго в исполнении неотразимого черноглазого Омара Шарифа, и не важно, насколько печальна и очаровательна юная Джулия Кристи, изображающая смелую, но немного запутавшуюся Лару. Затянувшейся грусти этих двух любовников не достаточно, чтобы это составляло суть всей картины⁷⁵». В этой же рецензии автор говорит о том, что экранизация снята таким образом, что судьба группы людей и их личное отношение с историей практически полностью затмевают все ключевые события этой самой истории. Революция, война – все это мельком упоминается, но зритель видит только роман главных героев, «которые сильнее всего образом расстроены и потревожены обстоятельствами окружающих их перемен⁷⁶». Иными словами, кинокритикам в экранизации не хватало некоторой сложности и комплексности. Потому как вместо ожидаемой глубины и исторического анализа эпохи их вниманию представлялась обыкновенная мелодрама.

Однако в то время, как профессионалы активно критиковали экранизацию, простые американцы продолжали ходить в кинотеатры, чтобы посмотреть картину о большой любви и о том, как на судьбу хорошего человека и его близких влияют силы исторического периода, в котором им суждено было родиться. Эти проблемы и вопросы никогда не теряли своей актуальности, поэтому и роман «Доктор Живаго», и его экранизация, на протяжении долгого времени оставались популярными и воспринимались в Соединенных Штатах со всей теплотой и внимательностью.

По завершении нашего исследования, хотелось бы привести еще одну цитату, которая завершает и знаменитый обзор, написанный Эдмундом Уилсоном, к которому мы часто обращались в рамках работы. Как мы помним, литературный критик серьезным образом говорил о структуре

⁷⁵ Crowther B. [Movie Review] Doctor Zhivago // The New York Times. – December 23, 1965. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [HTTP://WWW.NYTIMES.COM/MOVIE/REVIEW?RES=EE05E7DF173CE367BC4B51DFB467838E679EDE](http://www.nytimes.com/movie/review?res=EE05E7DF173CE367BC4B51DFB467838E679EDE) (дата обращения: 15.05.2017).

⁷⁶ Там же.

романа, аллюзиях и литературных приемах, использованных автором. Но эта последняя фраза все же другого порядка: *«Что до недоброжелателей на его [Пастернака] родине, я предсказываю, что их дети, за водкой и чаем, будут обсуждать отношения Ларисы Федоровны, Паши и Юрия Андреевича так же, как их родители, да и они сами, обсуждали отношения Татьяны, Ленского и Евгения Онегина, а также отношения Наташи, князя Андрея и Пьера⁷⁷»*. Это, как мне представляется, показательный пример того, как одно и то же произведение могло рассматриваться с точки зрения принадлежности как к разряду высокой литературы, так и литературы массовой, актуальной, которую обсуждают за чем бы там ни приходилось в рамках ситуации. И это комплексное восприятие всего лишь одного автора одной рецензии, в то время как читательская аудитория «Доктора Живаго» была в разы шире.

⁷⁷ Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker. – Nov. 15, 1958. – P. 237.

Заключение

На протяжении нескольких месяцев роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» занимал лидирующую позицию в списках литературных бестселлеров США, а также был издан в количестве полусотни тысяч экземпляров, которые были распроданы в кратчайшие сроки. Роман пользовался большой популярностью, причины которой были не ясны. Поэтому объектом нашего исследования была рецепция романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в Соединенных Штатах. Используя методы рецептивной эстетики, мы исследовали особенности американского восприятия романа, а также выявили факторы, обеспечивавшие актуальность произведения у разных категорий читателей.

Основными внешними факторами, повлиявшими на восприятие романа американскими читателями, как нам удалось выяснить, были: идеологическое противостояние между США и СССР, а также присуждение Пастернаку Нобелевской премии, а само состояние американского общества, которое все еще переживало последствия маккартизма, – внутренним. Огромную роль в популяризации романа играла американская пресса: газеты и журналы с широкой читательской аудиторией активно использовали роман как орудие пропаганды и далеко не всегда были объективны в высоких оценках произведения.

Анализ рецепции «Доктора Живаго» проводился с учетом особенностей, характерных для каждой отдельной категории читателей, которых было выделено четыре в качестве основных. Исследование показало, что наибольшей популярностью роман пользовался среди неподготовленных читателей, которые при прочтении и оценке произведения руководствовались своим личным жизненным опытом, так как фактически не имели литературного. Иными словами, «Доктор Живаго» был в большей степени воспринят как роман для массового читателя. А популярности среди этой категории читателей в немалой степени способствовала экранизация

романа, в которой акцент сделан на те же актуальные проблемы, индивидуальные и общественные, которые волновали абсолютное большинство читателей как в жизни, так и в произведении.

Список использованной литературы

1. Arndt W. Dr. Zhivago: Freedom and Unconcern // South Atlantic Bulletin. – 1959. – Vol. 25. – N 1. – P. 1-6
2. Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years / B. Boyd. – New Jersey: Princeton University Press, 2016. – 783 p.
3. Finn P. The Zhivago affair: the Kremlin, the CIA, and the battle over a forbidden book / P. Finn, P. Couvée. – Random House, 2014. – 368 p.
4. Fizer J. Pasternak – Victim of Soviet Ideology // The Review of Politics. – 1959. – Vol. 21. – N 4. – P. 712-716.
5. Gerschenkron A. Notes on "Doctor Zhivago" // Modern Philology. – 1961. – Vol. 58. – N 3. – P. 194-200.
6. Gifford H. Dr. Zhivago: The Last Russian Classic // Essays in Criticism. – 1959. – Vol. 9. – N 2. – P. 159-170.
7. Griffiths F.T. Doctor Zhivago and the Tradition of National Epic / Griffiths F.T., Rabinowitz S.J. // Comparative Literature. – 1980. – Vol. 32. – N 1. – P. 63-79.
8. Livingstone A. Pasternak: Doctor Zhivago / A. Livingstone. – Cambridge University Press, 1989. – 136 p.
9. Markov V. Notes on Pasternak's "Doctor Zhivago" // The Russian Review. – 1959. – Vol. 18. – N 1. – P. 14–22.
10. Memorandum for PP notes: Publication of Pasternak's Dr. Zhivago // CIA Archive. – Sep. 8, 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005795662> (дата обращения: 08.05.2017).
11. Memorandum on Pasternak's Dr. Zhivago // CIA Archive. – Nov. 12, 1957. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005795615> (дата обращения: 08.05.2017).
12. Nabokov's interview. – 1972. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter22.txt> (дата обращения 15.05.2017).

13. Powers R. Ideology and Doctor Zhivago // The Antioch Review. – 1959. – Vol. 19. – N 2. – P. 224-236.
14. Schrecker E. The Age of McCarthyism: A Brief History with Documents. – 1994. [Электронный ресурс]. – Режим Доступа: <http://www.english.illinois.edu/maps/mccarthy/schrecker3.htm> (дата обращения: 10.05.2017).
15. Schwarz F. You Can Trust the Communists (to be Communists). – 1960. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.writing.upenn.edu/~afilreis/50s/schwarz4.html> (дата обращения: 10.05.2017).
16. Stern R. Doctor Zhivago as a Novel // The Kenyon Review. – 1959. – Vol. 21. - N 1. – P. 154-160.
17. Wasiolek E. Courage but Not Excellence // Chicago Review. – 1959. – Vol. 13. - N 3. – P. 77-83.
18. Быков Д. Л. Борис Пастернак. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 893 с.
19. Гриффитс Ф. Т. Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Ф. Т. Гриффитс, С. Дж. Рабинович; пер. с англ. Е. Г. Рабинович. – СПб.: Иван Лимбах, 2005. – 269 с.
20. Делёз Ж. Критика и клиника / Пер. с франц. О. Е. Волчек и С. Л. Фокина. Послесл. и примеч. С. Л. Фокина. – СПб.: Machina, 2002. – 240 с.
21. Изер В. Изменение функций литературы // Современная литературная теория. — М.: Флинта. – 2004. – С. 3-45.
22. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго : роман. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 608 с. – (Мировая классика).
23. Тимофеев В. Г. Использование моделей и формул массовой литературы авторами художественных произведения // Материалы Открытого научного семинара «Проблемы теории и истории литературы» / Филологический факультет СПбГУ, 28 марта 1988 г. – СПб.: Convention Press, 1998. – 28 с.

24. Тимофеев В. Г. Уроки Джона Фаулза / В. Г. Тимофеев; ред. О. В. Гусакова. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – 112 с.
25. Толстой И. Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. – М.: Время, 2009. – 510 с.
26. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. – 1995. – Т. 12. – С. 34-85.

Газеты и журналы

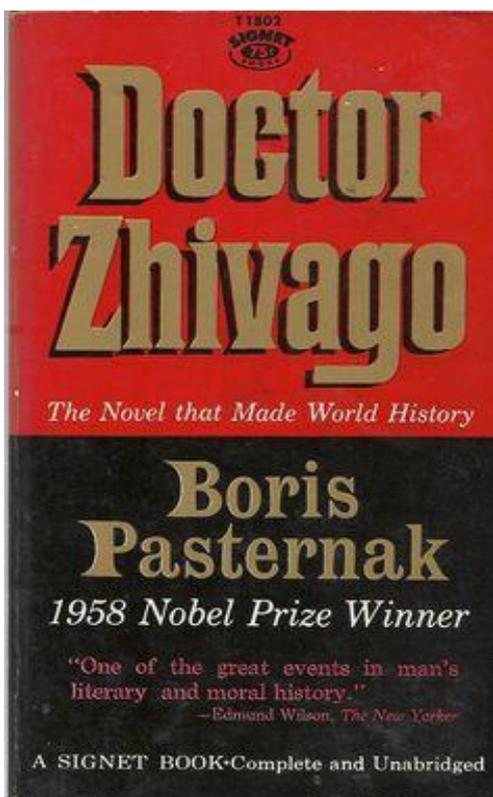
27. A Brave, Defiant Russian Writer // Life. – Oct. 27, 1958. – P. 139
28. A Nobel Effort // Columbia Daily Spectator. – Nov. 17, 1958. – P. 2.
29. Crowther B. [Movie Review] Doctor Zhivago // The New York Times Review. – Dec. 23, 1965 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [HTTP://WWW.NYTIMES.COM/MOVIE/REVIEW?RES=EE05E7DF173CE367BC4B51DFB467838E679EDE](http://www.nytimes.com/movie/review?res=EE05E7DF173CE367BC4B51DFB467838E679EDE) (дата обращения: 15.05.2017)
30. Frankel M. Soviet Calls Nobel Award To Pasternak a Hostile Act; Moscow Assails Pasternak Prize // The New York Times. – Oct. 25, 1958. – P. 19.
31. Horchler R. Literature and Morality // Commonweal. – Feb. 27, 1959. – Vol. 69. – N 22. – P. 25.
32. Howe I. Boris Pasternak's 'Doctor Zhivago' Should Inspire Reverence // New Republic. – Sep. 8, 1958 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newrepublic.com/article/115305/boris-pasternaks-doctor-zhivago-reviewed> (дата обращения: 13.05.2017)
33. Howell W. The Novel and The Author: Boris Pasternak's Dr. Zhivago // Publishers Weekly. – Nov. 24, 1958. – Vol. 174. – N 21. – P. 38.
34. Innocence in Russia // Time. – Sep. 5, 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,863850,00.html> (дата обращения: 10.05.2017).
35. Laurels for Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 32.

36. Nonconformist Russian; Boris Leonidovich Pasternak // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 6.
37. Prescott O. Books of The Times // The New York Times. – Sep. 5, 1958. – P. 25.
38. Slonim M. But Man's Free Spirit Still Abides: Out of Russia Comes a New Novel That Defies the Totalitarian's Way // The New York Times. – Sep. 7, 1958. – P. 1.
39. The Trouble With Dr. Zhivago // The New York Times. – Dec. 7, 1958. – P. 8.
40. Webster B. Author Blocked on U.S. Royalty; Pasternak May Never Obtain a Penny // The New York Times. – Oct. 24, 1958. – P. 7.
41. West Rallies To Defense Of Pasternak // The Daily Bulletin. – Oct. 30, 1958. – P. 1.
42. Wiggins J.R. "Dr. Zhivago" Simply Can't Be Scissored // The Washington Post. - Nov. 16, 1958. – P. E3.
43. Wilson E. Doctor Life and His Guardian Angel // The New Yorker. – Nov. 15, 1958. – P. 213-237.
44. Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. — 25 октября 1958. — № 128 (3939).
[Электронный ресурс]. – Режим Доступа:
<http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/LITRA/PASTERNAK-58/PAST3.HTM> (дата обращения: 10.05.2017).
45. Семичастный В. [Аудиозапись] Доклад на пленуме ЦК КПСС. – 30 октября 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://teatr.audio/semichastnyi-iz-vystupleniya-o-pasternake> (дата обращения: 07.05.2017).
46. Смирнов С. Стенограмма общемосковского собрания писателей. – 31 октября 1958. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://antology.igrunov.ru/50-s/esse/1084533076.html> (дата обращения: 7.05.2017).

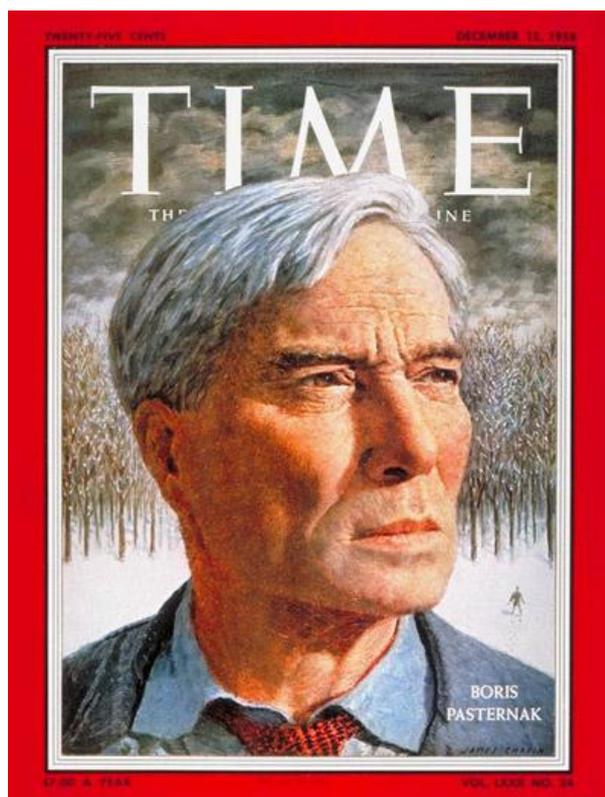
Приложение

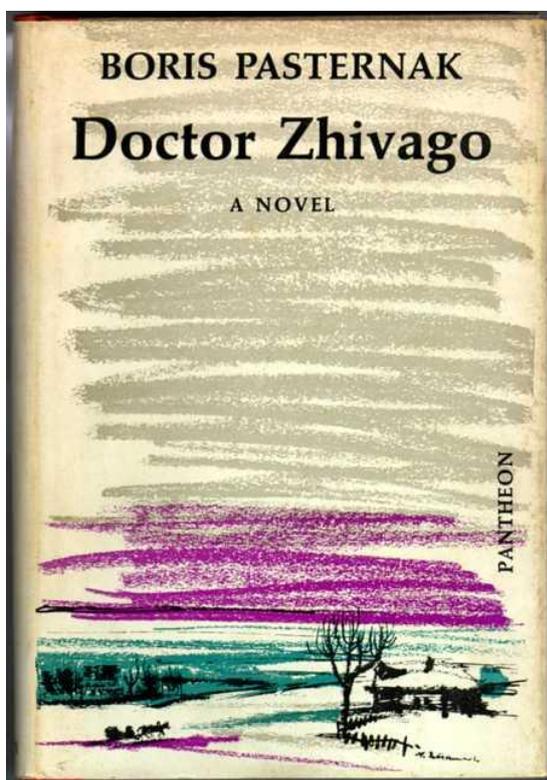
Ил. 1. Обложка «Доктора Живаго» 1966 года (Fontana Books) с цитатами из обзоров.

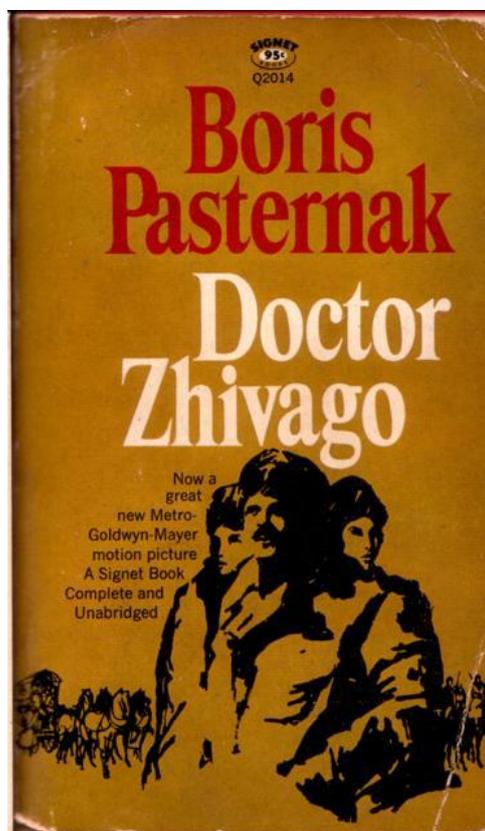
Ил. 2. Обложка «Доктора Живаго» 1960 года (Signet Book) с упоминанием о Нобелевской премии.

Ил. 3. Борис Пастернак на обложке Time Magazine (15 декабря 1958 года)

Ил. 4. Обложка первого американского издания «Доктора Живаго» (Pantheon, 1958)

Ил. 5. Обложка «Доктора Живаго» после выхода экранизации (Signet Book)

